

в традиционной песенной форме, так и по-новому, «на вирш», потому что в песнях Квашнина находим аккуратно рассчитанный шестнадцатислоговый силлабический стих.¹ Он еще не очень искусен в виршевой форме и учится ей. Поэтому какой-то уже омосковившийся украинец записывает для него типическую виршу киевского происхождения, единственное произведение в бумагах Квашнина, написанное не его рукою, в котором нарушен слоговой размер вследствие переделки украинской речи на великорусский лад, но где застряли слова: альбо, прудко.

Сборник песен Квашнина, утвердившего свое авторство двумя подписями в тексте, дает ответ на вопрос, на кого можно указать, как на слагателей песен, вошедших в состав сборника Джемса. Нам незачем искать их среди певцов-профессионалов, — сборник Квашнина документально устанавливает факт существования в среде высших слоев московского общества XVII столетия поэта-любителя, формой творчества которого был традиционный тонический стих, смешивающийся, однако, с силлабическим. Конечно, ни политическое творчество авторов песен сборника Джемса, ни лирическое творчество Квашнина не были случайными фактами. В письменном виде в ограниченном числе они дошли до нас лишь вследствие общей невысокой литературной продуктивности в Московской Руси. Другая часть, значительно большая, дошла в устной традиции.

---

¹ И со слез, мой друг сердешной, ясны очи помутились,
 Со вздыханья, мой надежа, ретиво сердце надселось.
 Или то тебе, друг мой, годно, что меня уморити,
 И тебе, моя надежа, не хитро то учинити,
 Лише бы богу не дати тебе бы о том ответу. .